

КИСЛЕВ-ТЕВЕТ 5763

ПЕТРОЗАВОДСК

ДЕКАБРЬ 2002

№ 54

БОЛЬШОЙ СВЕТ ПУСТЫНИ

Адин Штейнзальц отвечает на вопросы Михаила Горелика

Существует такая теория, что народ формируется той страной, в которой живет. Именно страна определяет его склад, облик, национальную особость.

— Я полагаю, это справедливо только отчасти и с большими оговорками. Характер народа в неменьшей степени определяется историей и типом культуры.

Пусть отчасти и с оговорками. Можно обсуждать, насколько этот фактор важен и как он соотносится с другими факторами и как они взаимодействуют, однако ведь несомненно, что горцы отличаются от народов моря, а те и другие — от народов пустыни.

— Конечно, отличаются. Морские народы (финикийцы, греки, викинги) открыты и любопытны: всегда интересно узнать, что там — за морем, на другом берегу. Совсем другое самоощущение у горцев. Горы естественно разделяют замкнутые миры. Горцы сидят на своей горе, в своей деревне, как в своей крепости.

Это довольно точное описание Дагестана.

— Все это имеет отношение и к евреям. У нас, правда, в отличие от Кавказа невысокие горы, но все-таки горы. На побережье почти всегда жили другие народы. Те, кто приходил в эту страну, селились на побережье, сменяя друг друга: филистимляне, римляне, крестоносцы. Им казалось, что они привнесли навсегда, и у них были все основания так думать: они пускали здесь корни, строили города, крепости, здесь рождались многие поколения, — но в конечном итоге, как бы долго они здесь ни жили, все это оказывалось временным.

— Но ведь сейчас на побережье именно евреи.

— Да, и возникла в определенном смысле парадоксальная ситуация: евреи на побережье — арабы в горах. Благодаря чему существует популярная в арабском мире теория, что евреи здесь так же временные, как крестоносцы.

В отличие от финикийцев, евреи хоть и живут сейчас на море, но все-таки морским народом никак не являются.

— Это, кстати, верно и по отношению к арабам. Средиземное море омыает многие арабские страны, арабы живут там на протяжении многих веков уже больше тысячи лет, и все же, как и мы, — они не морской народ.

В наших классических текстах море — всегда опасная и недружественная стихия, оно лишено притягательности и, обратите внимание, нигде ни слова не говорится о его красоте. Море вообще — где-то там, далеко,

причем не географически, но культурно: оно не часть нашего мира. Мы народ гор и пустыни. Сделав всего лишь шаг из Иерусалима, можно сразу, без перехода попасть в пустыню. Пустыня — колыбель нашего народа. Наша история начинается в пустыне. Пустыня амбиалентна: она одновременно притягивает и пугает. В пустыне обитают бесы, но там же у нас было наиболее полное общение со Всевышним.

Пророк Иеремия говорит об этом словами любви, обращаясь от имени Всевышнего к народу Израиля, как к возлюбленной. Я вспоминаю о юности твоей, о любви твоей, когда ты шла за Мной в пустыню. Тот же образ у Исаии: увлеку тебя в пустыню. Всевышний не говорит: увлеку тебя в лес. А ведь в Стране Израиля во времена пророков были большие леса. Он не говорит: увлеку тебя на море. Пустыня — особенное, благоприятное место для Его любви. У пророков есть такая идея, что обновление и очищение жизни возможно только в пустыне.

Пустыня и море в определенном смысле похожи: люди их пересекают, но в них не живут. И море, и пустыня опасны, и там, и там нет пресной воды. Но, как бы море ни было опасно, пустыня для человека — еще менее дружественное место: во всяком случае, в пустыне нет рыбы, но есть змеи и скорпионы.

Караван в пустыне и экипаж корабля вполне аналогичны замкнутому горному поселению. Однако пастухи уходили в горы и в пустыню в одиноко, они проводили там очень много времени. И это одиночество создавало особый тип человека особое восприятие жизни. В Библии рассказывается, что, когда Давид пас овец в пустыне, на него напал лев, и Давид убил его. Почему

лев не побоялся на Давида напасть? Потому что он был один. Моисей пас стада своего тестя тоже в одиночку. Когда человек один в пустыне, у него масса времени на размышления. Этим пустыня отличается от моря. Море постоянно требует каких-то действий, сосредоточенности на работе. Что-то все время происходит. Море меняется, ветер меняется, появляется земля, мели, рифы. Надо управлять кораблем, ловить рыбу. В пустыне же ничего не происходит.

— Ну, бывают же песчаные бури, смерчи.

— Бывают, но редко. Кроме того, у нас ведь пустыни не песчаные, а каменные. И вот это отсутствие отвлекающего многообразия побуждает человека к внутренней сосредоточенности. Человек в пустыне с большой вероятностью займется поэзией, нежели математикой.

Математика развивалась в Месопотамии, где были большие пространства, и их необходимо было измерять и делить. Это порождало совершенно иной тип сознания, чем у пророков, которые жили на границе гор и пустыни. Сознание вавилонских мудрецов Талмуда менее поэтично, менее мистично и гораздо более социально. И вот что еще важно: у нас практически нет сумерек. День — это день, а ночь — это ночь. Безо всяких переходов. В пустыне это чувствуется особенно резко и отчетливо. В пустыне есть большой свет, в котором видится ясно. В этом наше отличие от России. Здесь сумерки не только природное явление, но и явление культуры, важная составляющая русского менталитета: нюансы и неуловимые переходы, добро причудливо переплетается со злом, порой все зыбко и неопределенно.

А река как-то присутствует в еврейской культуре?

— Ну, сами посудите, какие уж там реки?! Только в такой лишней воде стране, как наша, Иордан может быть назван рекой. А по существу ведь не река — река. В России таких должно быть, десятки тысяч, и эти речки никому не известны, кроме местных жителей.

Впрочем, у одного писателя начала века есть забавная история, связанная с Иорданом. В его рассказе украинский еврей приезжает в Страну Израиля и видит Иордан, и вот, он потрясен, какой Иордан ничтожный.

— Да уж не Днепр.

— То есть совсем не Днепр. И этому человеку становится ужасно смешно, насколько его мечты далеки от действительности. Он смеется, лежит купаться и тонет в водовороте.

Институт изучения иудаизма в СНГ под руководством раввина Адина Штейнзальца
объявляет конкурсный набор руководителей групп
в рамках учебной программы «Байт ле-мидраш» - «Дом учения»

Требования к кандидатам:

1. Общительность и доброжелательность.
2. Навыки преподавания или организации учебных групп.
3. Возможность создать группу единомышленников для совместной учебы.
4. Интерес к изучению европейских дисциплин и желание стать преподавателем европейской традиции.
5. Позитивное отношение к европейской традиции и наличие первичных знаний в этой области.

Прошедшем отбор предоставляется возможность участия в регулярных курсах повышения квалификации, методическая и финансовая поддержка. Просьба к кандидатам предоставить автобиографию с указанием всех данных, имеющих отношение к этому предложению. Кандидаты из всех регионов СНГ могут выслать автобиографию с пометкой «вакансия руководителя группы «Байт ле-мидраш» до 1.01.2003 по факсу в Москве: 915-31-61 или по адресу: Москва, 109240, а/я 44, E-mail: lamed@judaicaru.org. Телефон для справок 915-31-65.

Информацию о деятельности ИИИ можно получить на сайте: www.judaicaru.org

Блеск и нищета «бibleйской критики»

1. На стадии алхимии

Многие науки прошли в начале своего развития «до-научную» стадию (стадию «магии»), прежде чем они получили право называться науками. Так, химия сначала несколько столетий имела вид алхимии, и на этом «алхимическом уровне» ею было сделано много ценных наблюдений, проведена определенная систематизация материала, была выбрана техника, необходимая для дальнейшего развития эксперимента. Но весь этот блеск естественнонаучных достижений алхимии сосуществовал с нищетой ее фундаментальных, базовых представлений, ибо идея существования «философского камня», с помощью которого можно химически превращать железо в золото, оказалась совершенно лишенной каких-либо реальных оснований.

Примерно в таком же «алхимическом» состоянии находится сегодня «Бibleйская критика». Множество интересных и важных наблюдений сосуществуют в ней с совершенно необоснованными претензиями на доказательство; важный материал, который мог бы служить для углубления нашего понимания Торы, пока что служит в ней, в основном, только для мотивировки отказа от целостного восприятия Текста.

Взлет Bibleйской критики начался в середине 19-го века, когда выяснилось, что если свести воедино различные неоднородности Текста Торы в разных ее местах (различия в Именах Бога, в терминологии и стиле, в использовании имен собственных и в деталях законов), то можно попытаться разделить Текст Торы на несколько под-текстов, каждый из которых обладает определенной внутренней логикой и рассматривает иудаизм как бы с «разных углов зрения».

Этому весьма интересному и важному наблюдению, однако, не суждено было стать предметом беспристрастного анализа в рамках «чистой науки». Проблемой «Bibleйской критики» явилось то, что она почти с самого начала была использована атеизмом для поддержки и углубления своей идеологии. В тот период теория эволюции, выдвинутая Дарвином, воспринималась как способ опровержения религии, и потому возможность перенести эволюционные идеи на изучение Библии была новым и желанным орудием в «развзвечении религиозных доктрин». На основании выделения в Торе «под-текстов» было без всякого на то научного обоснования объявлено, что каждый из них представляет собой один из независимых древних источников, в результате сведения которых вместе и появилась Тора.

Здесь следует особо подчеркнуть, что не только с точки зрения естественных («точных») наук, но даже с точки зрения лингвистики и литературоведения такой переход от под-текстов к «источникам» никак не может считаться научным доказательством. Настоящий устанавливающий авторство литературный анализ основан на сравнении многих литературных произведений, созданных в одну эпоху разными людьми. Но применение подобной процедуры установления авторства с помощью литературного анализа по отношению к Тексту, который является единственным оставшимся с древности и не имеющим в данной культуре параллельных текстов для сравнения, - такой анализ уже является очень проблематичным. И если наличие в Торе нескольких «слоев» повествования, отличающихся стилем и идеями, и можно считать вполне явным фактом, то приданье этим под-текстам статуса «источников Торы» является не научным выводом, а идеологической позицией.

А потому нас должны интересовать не чисто научные - лингвистические или исторические - обоснования того, что столь много людей в конце 19 - начале 20-го века приняло концепцию Bibleйской критики (сегодня, кстати, их

число значительно уменьшилось, и многие крупнейшие ученые-бibleисты, как например Касуто, отвергают эту теорию с начала и до конца), а обоснования совсем другого рода - психологические и идеологические, объясняющие причины ее успеха.

2. Теория, ведущая к абсурду

И все же рассмотрим сначала в нескольких словах историю развития Bibleйской критики - и в тех ее аспектах, о которых умолчал сериал Г. Вук описывает историю этого развития так:

Если археология атаковала теорию Вельгаузена извне и доказывала, что все его предположения о «примитивном уровне культуры в 14 веке до н.э., не дававшем возможности создания Торы», являются неверными, то его собственные последователи подорвали ее изнутри, разъедая ее своими исследованиями. Продолжая анализировать Библию методами своего учителя, они стали «обнаруживать» в Торе все больше гипотетических «документов-источников». Наконец, около тридцати различных документов, авторов, редакторов и интерполяторов были совершенно перепутаны. В одном стихе Торы последователи Вельгаузена находили следы полдюжины различных древних сказаний. (Согласно, например, теории одного из представителей этой школы, книга «Бытие» является компиляцией из 30 никак между собой не связанных «древних источников». Ясно, что при таком подходе ни о каком восприятии Торы как единого произведения речь вообще не идет, и все усилия направляются не на то, чтобы понять, что говорится в Торе, а уходят только на соревнование в отношении того, кто на сколько много «источников» может Текст разложить.) Здесь уже самые восторженные почитатели теории Вельгаузена увидели, что она растворяется в абсурде. Но отступать было поздно. По каждому вопросу защитники существования новых «документов-источников» выдвигали тот же тип аргументации, какой ранее Вельгаузен выдвинул в отношении всего текста в целом. Их аргументы опять были основаны на якобы непоследовательности изложения, стилем разнообразии, вариациях Имен Бога и странностях словаря. Здесь стало ясно, что применение методов литературного анализа к разложению Торы на «источники» ведет к заведомому абсурду.

После этого изучение Библии стало искать другие пути. В тридцатые годы ХХ века вся схема Вельгаузена от начала до конца была официально отвергнута новой школой скандинавских критиков. Представитель этой школы Айвэн Энгель нанес теории Bibleйской критики смертельный удар, проанализировав злостный призрак Вельгаузена, его мифического «Редактора-фальсификатора» - это странное привидение в одеянии священнослужителя времен Второго Храма, которое является на самом деле ключом ко всей теории Bibleйской критики, - и уничтожив его вежливым ученым лопающим смехом. Энгель назвал его иронически «interpretatio europea moderna». Изучая хитросплетение воображаемых Вельгаузеном интерполяторов, он обнаружил в них автопортрет европейского кабинетного ученого, упорно колпающегося в Священном Писании, чтобы возвести гипотезу XIX века. Эти творческие муки кончаются ретроактивной проекцией своего собственного образа в V век до н.э. После Энгеля научное обоснование теории Вельгаузена было подорвано окончательно».

А вот еще один пример, иллюстрирующий то, что Bibleйская критика является не наукой, а видом идеологии. Как известно, одним из столпов Bibleйской критики является отождествление «Второзакония» (Пятой книги Торы) со свитком, найденным в Храме в эпоху реформ царя Йошиагу (см. Вторую книгу Царей, гл. 22) - и поэтому его датировали 7-м веком до н.э. Это

отождествление было сделано на основании литературных соображений, не подкрепленных никакими археологическими данными. И вот, несколько лет назад группа археологов раскопала в Самарии, на горе Эйварь, остатки жертвеннika, в точности соответствующие тому, что, согласно книге Второзакония, Моисей повел сделать евреям после перехода Иордана, и археологическая находка была датирована 13-м веком до н.э. Археологи опубликовали статью о находке, показывая соответствие ее книге Второзакония. Как возмущены были этой статьей сторонники Bibleйской критики! Нет, они не отрицали, что найден жертвеннник, они не оспаривали его датировку. Но они говорили: «Как же можно объяснять находку 13-го века до н.э. на основании текста, написанного в 7-м веке до н.э.?» Иными словами, «литературная» датировка Второзакония эпохой царя Йошиагу стала для них догмой, и если археология противоречит этой догме, то тем хуже для археологии.

3. Есть ли другой путь?

Сторонники «Bibleйской критики» иногда говорят: «Пусть в нашей теории не все гладко. Но ведь факт разнообразия стилей в Торе очевиден и для того, чтобы отвергать Bibleйскую критику, надо предложить свое объяснение этому факту. А этого другого объяснения ни у кого нет» (см., например, эту точку зрения у Р. Нудельмана в «Сериале»).

Такой подход, однако, некорректен по двум причинам. Во-первых, для того, чтобы критиковать ту или иную научную теорию, вовсе не является обязательным выдвигать свою. Верить в неудовлетворительную теорию только потому, что пока не существует какой-либо другой теории, - это все равно, что предлагать судье ввиду отсутствия доказательств приговорить к казни наиболее вероятного преступника среди возможных обвиняемых. В науке бывает состояние, когда для объяснения некоторых известных фактов не существует никакой приемлемой теории - и это может продолжаться довольно долго! Отсутствие у Bibleйской критики доказательств превращает ее из науки в идеологию (со всеми вытекающими отсюда последствиями и с соответствующим отношением к ней), даже если бы я и не мог создать другую теорию, объясняющую различия стилей в Торе. Да, мне в Торе не все ясно. Тора вообще очень сложная (а с моей точки зрения, - Божественная - и, значит, в каком-то смысле бесконечно сложная) книга. Сталкиваясь с этими сложностями и постепенно преодолевая их, я понимаю Тору все более глубоко.

Однако, наличие пока еще не освоенных мною сложностей не является для меня основанием к тому, чтобы принять теорию, уничтожающую сложности путем разрушения единства Текста.

В дополнение к этому, неправильно утверждать, что сегодня у противоположной стороны (т.е. у отрицающих «теории источников») нет своих объяснений «вариаций Имен Бога и стилей в Торе». Такие объяснения есть, и я их коснулся позже (когда буду объяснять, что позитивного я все-таки вижу в теории «Bibleйской критики»).

4. Психологические и идеологические основы «Bibleйской критики»

Выше мы уже отмечали, что принятие большим числом исследователей в конце 19-го века идей «Bibleйской критики» было обусловлено не научными, а психологическими и идеологическими причинами. Рассмотрим же теперь эти причины, а затем перейдем к тем жечужинам, которые, по нашему мнению, в вороне идей Bibleйской критики все же сидят.

Библейская критика, ссылаясь на «авторитет науки», утверждала, что Тора, по сути, является сплошной подделкой; что все рассказываемое от имени Моисея, - приписано ему как древнему авторитету; и главное, что утверждение евреев о том, что они с самого начала были монотеистами, - сплошная ложь. На самом деле, говорила Библейская критика, у евреев в древности было самое примитивное многобожие, одним из их богов был JHWH, а другим - Elohim, и лишь в значительно более поздние времена евреи эволюционировали до монотеизма и соединили разнородные древние источники в единую «Тору». (Помню, что однажды в одной из книг по Библейской критике я прочел такой шедевр сравнительной антропологии: «Евреи утверждают, что они с самого начала своей истории были монотеистами. Но наука опровергает это, ибо предположение об изначальном монотеизме евреев противоречит нашим наблюдениям над всеми примитивными народами Земли - как земледельцами, так и охотниками и скотоводами».) А раз Тора - это просто поздняя компиляция из разнородных древних источников, то можно не задумываться над глубиной Текста, нет смысла ломать голову над сравнением и углублением в детали, над анализом противоречий между различными главами Торы (метод, который в течение столетий служил основой классического европейского религиозного углубления в Тексте). И, говорит Библейская критика, уже если сравнивать между собой два различных места в Торе, то только для расчленения текста на несколько не связанных между собой кусков (т.е., по существу, для разрушения и умерщвления Текста), а совсем не для того, чтобы извлечь для себя из этого Текста моральный или философский урок.

Для примера я хотел бы рассказать здесь об одном случае, который произошел со мной почти 10 лет назад, вскоре после моего приезда в Израиль. Мы встретились с одной семьей старых друзей, приехавших в Израиль на несколько лет раньше, и в разговоре я спросил у их сына, кончившего в то время среднюю школу (нерелигиозную), что они изучают по ТаНАХу. Он ответил, что они как раз закончили изучение истории о том, как пророк Шмуэль (Са-

муил) помазал на царство царя Шаула (Саула). Мне было очень интересно узнать подробнее, как изучают ТаНАХ в нерелигиозных школах, и я спросил, как им объясняли тот факт, что пророк Шмуэль вначале выступил против назначения царя, хотя в Торе (книга Второзаконие, гл. 17) есть однозначная заповедь установления института царства. Ведь это же очень интересное противоречие, и еврейская традиция учит из него важнейшие принципы правильного еврейского подхода к царству, делает важные моральные и философские выводы. «Как вы анализировали это, казалось бы, противоречие между поведением пророка Шмуэля и законом Торы, какие выводы из этого сделали?» - спросил я этого школьника. «Да зачем так сложно, - ответил он мне, - нам в школе объяснили, что это место («заповедь о царстве») было дописано в Торе после Шмуэля, когда уже были цари, и тогда все объясняется очень просто, и никакой философии здесь разводить не надо».

Это было мое первое живое столкновение с «Библейской критикой». (До своей алии я читал на эту тему лиши изданые в СССР книги по «высмеиванию Библии», которые, в сущности, пользовались аналогичными аргументами, но делали это со столь откровенным антисемитским духом, что вызывали лишь чувство отвращения.) И вот на этом первом своем реальном столкновении с Библейской критикой я увидел, что она держится не только на «внутриеврейском антисемитизме» (т.е. чувство ненависти к образу религиозного еврея в себе самом), но и на элементарном страхе, на боязни принять вызов Торы, боязни вступить с Текстом в прямой, личный диалог. Это, по сути, есть нежелание смотреть собеседнику в глаза из-за боязни перед настоящей - обязывающей! - встречей. Ведь если всякий сложный отрывок в Тексте можно объявить поздней вставкой, а сам Текст - многослойной подделкой от начала до конца, - то это «лучшая» возможность создать глухую защиту от того потока энергии святости, который устремляется наавстречу человеку и на благо ему, когда он открывает Тору и начинает читать ее Текст.

Конечно, если бы были хоть какие-нибудь научные обоснования того, что «заповедь о царе» внесена в Торе позже, тогда другое дело - было бы о чем говорить. Но ведь никаких научных дан-

ных на это нет, и единственное обоснование - это само противоречие между Торой и Книгой пророка Шмуэля. Вместо того, чтобы углубляться в это противоречие и анализировать его (как поступало всегда традиционное еврейское изучение Торы), Библейская критика попросту отмахивается от него.

(Вообще говоря, сама концепция Библейской критики в данном месте выглядит более чем спорной: ведь если мифический могущественный «Редактор» во времена царей мог внести изменения в Тору, то для него тем более не составляло труда внести правку в Книгу Шмуэля, так чтобы уничтожить противоречие. Странный «Редактор»! То он все сшивает по своей воле, а то, наоборот, оставляет явно бросающиеся в глаза следы - могли легче его вычислить! Впрочем, такая проблема существует не только в этом месте, но и по отношению ко всей Библейской критике.)

5. Прежде чем критиковать, желательно знать

Одна из проблем Библейской критики - в ее превращении из научной концепции в идеологию - заключается в том, что ее зачастую предлагаю аудитории, которая вообще ТаНАХ не изучала. Такая пропаганда Библейской критики имеет чисто идеологические (а не научные или просветительские) основы. Я приветствую всякий свободный обмен информацией, но хочу все же заметить, что прежде чем становиться сторонником критики Библии, было бы хорошо для начала ее знать.

Человек, изначально воспринимающий Тору в терминах «Библейской критики» - т.е. как приписанную Моисею многослойной позднюю подделку, как механическое соединение нескольких совершенно различных текстов, - такой человек обкрадывает прежде всего сам себя. «Прозревает он леса, звезды, горы, небеса, и не видит он того, что под ногами у него». Как это конкретно происходит, я постараюсь показать в следующей статье на классическом материале «двух историй Сотворения Мира».

П. Полонский
«Маханайм»

**Еврейская община выражает глубокую благодарность за поддержку газеты господне
Дороте Зайтер (Тюбинген)**

Из еврейской поэзии

Залман Шнеур (1887-1959)

Прошлый раз мы познакомились с крупнейшим еврейским поэтом ХХ столетия Залманом Шнеуром. Он писал на идиш и на иврите. Вероятно, самое главное, самое пророческое его произведение - это большая поэма «Под звуки мандолины», написанная в молодости, в 1911 году. Отрывки из этой поэмы перевел с иврита Владислав Ходасевич. Вот некоторые из них.

Рука моих золотов не отстила
За честь моих сестер, за кровь героев.
Но в семидесят раз дух мой отстыл.
Не победил народ, - но победил мой Бог!
И нет страны, где не излил мой Бог
И кровь мою, и дух, и прелесть Галилеи.
Священной книги нет, чтоб в ней не уловил я
Шум Иорданских вод или эхо гор Ливанских.
Где храм, где дворец, в которых не звучат
Псалмы Давидовы, глаголы Моисея?
Где холст, где мрамор, медь, что нам не говорили б
На вечном языке оживший плоти
Об откровениях и светлых снах пророков,
О творческой росе в сказанных бытиях,
О грустной осени в стихах Экклезиаста,
О буйном ветрограде Песни Песней?
Мой творческий во всем лучится свет,
Во всех плодах земли - души моей, дыханье -
Как тонкий аромат этрона. И народы
Им дышат, им, не ведая того.

... Взгляни ж: от ветхости истлела
Моя, давно скитальческая, обувь,
Но смуглые нежны еще ланиты -
Востока неизменное наследье.
В глазах - какая грусть, и сколько в них презренья!
В моей глуби все океаны тонут,
И слезы все - в одной моей слезе.
Все реки горестей в мое впадают море,
И все-таки опо еще не полно.
В котомке у меня такие родословья,
Какими ни один вельможа похвалиться
Не может никогда...

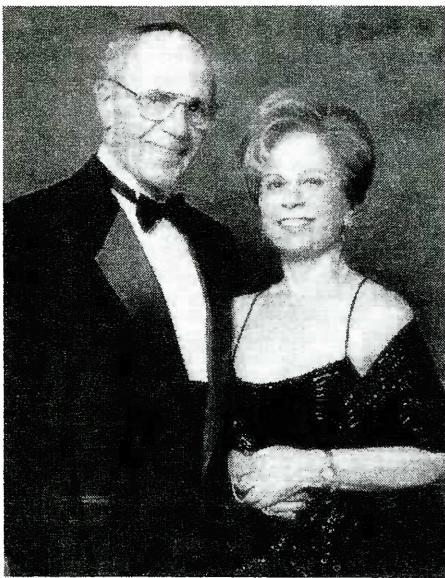
... Давно мои забыли сестры
Напевы солнца, спелых гроздей, влажных
Чаш лотоса, напевы горных пальм,
Что рвутся из земли раздольным кликом жизни.
Забыта ими песня о свободе

И песнь золота, что роняет лук,
Обвитый локоном возлюбленной.. У унылых
Напевах севера, в часы чужих веселий,
В кругу врагов, возжаждавших изведать
Любовь Востока, - смуглые мон
Танцуют сестры. Пляска выг - их пляска ...

Песнь моего Востока, как ручей,
На севере она заледенела
И носится, как ветер непогоды,
Взвывающий в трубе...

Все дальше от Востока страны те,
В которых шаг за шагом умираю
Вот, я слабею, в жилах стынет кровь,
Кипевшая когда-то верой в Бога
И песней вавилонских рек...

Иосиф Гин

«Праведники среди нас» - под таким заголовком появилась заметка в еврейской газете, издаваемой в Флориде, о наших друзьях, чете Коренблум, которые много лет помогают нашей общине. Приводим ее перевод.

Коренблумы: Элвин – бывший бизнесмен. Ронни – диетолог.

Личные данные: Элвин и Ронни Коренблум поставили своей задачей помочь евреям бывшего советского государства в их религиозных и материальных потребностях.

Элвин, владелец фирмы по производству лесообрабатывающей техники, отошедший от дел, и Ронни, практикующий дистног, живут в округе Майами-Дэйд около Корал Гейблз. Они женаты 18 лет, у них 5 детей и восемь внуков.

Отец Элвина родился в России, что уже само по себе могло бы послужить достаточным основанием для его отношений с этой страной. Ронни родилась в еврейской семье Балтимора, но воспитали ее «я не очень религиозном окружении». «Когда, посетив Россию, я увидела, что тамошние евреи читают на иврите, а я нет, я начала изучать язык».

Благотворительность: Ронни Коренблум стала помогать преследуемым советским евреям, когда она посетила СССР в 1975 г. с профессиональной организацией. До отъезда в Советский Союз Ронни посоветовалась с Южно-Флоридской комиссией по делам советского еврейства, чтобы выяснить, как войти с евреями в контакт, как передать им Библию, молитвики и прочие вещи.

После замужества с Элвином, Ронни начала убеждать супруга посетить с ней Россию. В 1992 г. Коренблумы на пароходе совершили тур по России с остановками в нескольких небольших русских городах. С помощью вышеупомянутой комиссии они встречались с местными евреями и

пытались помочь им.

Евреи в северном портовом городе Петрозаводске особенно поразили Коренблумов. Советское правительство только что перестало ущемлять свободу вероисповедания граждан; евреи показали чете крошечную комнатку в многоквартирном доме, которую правительство отдало им под молельное помещение.

«У них не было ничего, кроме пары подсвечников и постера с видом Иерусалима на стене, но атмосфера там была замечательная, - вспоминает Ронни. - Они знали, что они евреи, но не знали, что такое еврейство. И они хотели ему научиться».

Члены общины сказали Коренблумам, что у них нет видеомагнитофона, чтобы показывать детям фильмы об иудаизме, присланные из Израиля. С пожертвования видеомагнитофона началась регулярная высылка помощи, включающая в себя продукты, витамины, лекарства и детскую обувь.

На следующей неделе при поддержке Комитета Мицвы Темпл Иудеа Элвин отправил в Петрозаводск посылку свыше 300 фунтов, включающую, помимо указанных вещей, специальные ханукальные свечи и футбольки для детей. Впоследствии Коренблумам придется по электронной почте благодарственное письмо из Петрозаводска, отправленное с компьютера, который они помогли приобрести.

«Жизнь в условиях угрозы терроризма можно сделать проще молитвой и цадкой – помощью тем, кому нужна поддержка и утешение» (Элвин и Ронни Коренблум).

«Герольд», суббота 26 октября 2002 г.

С 4 по 7 ноября в Москве состоялась III Международная конференция Ассоциации Еврейских Общинных Центров СНГ. Ассоциация, начавшая действовать в 1997 году, объединяет более 120 общинных центров из 100 городов СНГ. В 2001 году зарегистрировалась как международная Петрозаводская общество «Шалом» участвует в работе Ассоциации с 1999 года.

Приветствовали конференцию Джерри Спирцер – Президент Всемирной конфедерации еврейских общинных центров, Джойнт, Евгений Сатановский – Президент РЭК.

С большим и интересным докладом выступила Президент Ассоциации Ирина Щербань. Поделились опытом работы руководители общинных центров Швеции, Швейцарии, Испании, Италии и Израиля. В работе конференции приняли участие руководители общинных центров и хэсэдов России и бывших республик СССР. В секции «Малые общины в развитии» участвовал председатель общества «Шалом» Александр Модылевский. На конференции были приняты дополнения к Уставу и частично обновлено Правление Ассоциации.

Участники конференции посетили четыре чудесных общинных центра Москвы и ознакомились с их работой. Культурная программа была представлена выступлениями самодеятельных коллективов Ульяновского, Казанского и Московских общинных центров.

«Лютеране и иудеи в России – опыт и перспективы совместной жизни национальных и религиозных меньшинств» – так назывался семинар, прошедший в Санкт-Петербурге и устроенный Еврейской ассоциацией Санкт-Петербурга и Евангелическо-лютеранской церковью России. Интересные темы докладов: «Теологические основания иудейско-христианского диалога» (Архиепископ ЕЛЦ, профессор д-р Георг Креммар), «Соображения об истинном и творческом диалоге: за что и перед кем мы отвечаем?» (И. Гальперин, (Швейцария), «Деятельность Лютеранской церкви в Дахау» (священник Г. Баэр (Германия), «Развитие иудео-христианских отношений за последние годы» (профессор М. Членов) и др., хорошая организация, творческий дух – все это оставило очень хорошее впечатление и заставило несколько иначе взглянуть на проблему межконфессиональных отношений. Петрозаводскую еврейскую общины на этом форуме представляли Юрий Басманов и Игорь Плугатаренко.

Чайная кухня

Предлагаем Вашему вниманию к празднику Ханука традиционные латкес и суфганиот.

Латкес картофельные

2 яйца, 3 ст. тертого отжатого картофеля, 4 ст. л. тертого лука, 1 чл. перца, 2 ст. л. муки из ячменя (или муки), куриный жир для жарки.

Сбейте яйца и смешайте их с остальными продуктами. Разогрейте в сковороде масло и выкладывайте тесто на нее столовой ложкой. Жарьте латкес с обеих сторон, пока не поддумянутся. Подавайте горячими с растительным маслом.

Тертый лук можно заменить тертым яблоком. В этом случае не добавляют перец. Можно приготовить латкес совсем без лука и без яблок, если нет мацовой муки, ее можно заменить обычной мукою.

Суфганийот

1 пачка творога, 2 ст. муки, 2 яйца, 2 ст. л. сахара, ч.л. соли, сода на кончике ножа.

Все продукты тщательно перемешать. Из полученного теста скатать длинную колбаску и разделить ее на небольшие лепешечки. Из каждого кусочка теста скатать шарик. Суфганийот жарить в большом количестве разогретого растительного масла до получения золотистой корочки. Готовые суфганийот по желанию посыпать сахарной пудрой или наполнить повидлом с помощью кулинарного шприца.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

Издатель: Петрозаводская еврейская религиозная община 185035 г. Петрозаводск, а/я 360, тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: talit@karelia.ru

Редакторы:
Давид Гендев
Дмитрий Цвибел

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены фирмой «Принт», 185035 Петрозаводск, ул. Гоголя, 28, каб. 12, тел. 56-98-55, факс 78-12-26

Тираж 300 экз.

**ПРАВЕДНИК НЕ УМИРАЕТ ДО ТЕХ ПОР,
ПОКА НЕ РОДИТСЯ ДРУГОЙ ПРАВЕДНИК**

Иоханан б. Напаха-Талмуд, Брахот, 54 б

**ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ**

**КИПНИС Люсию Даниловну
МАКСИМОВУ Евгению Георгиевну
СВЕРДЛОВУ Зою Исаковну
ЛАВРЕНЕНКО Евгения Степановича
СЛУЦКОГО Григория Евсеевича
ФИШМАНА Меера Шолымовича**

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!